

Е. В. ПАДУЧЕВА

ОДНАЖДЫ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СЛАБОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ*

Загадочное слово *однажды* не было до последнего времени предметом специального исследования. Принципиально важный шаг на пути постижения его семантики, синтактики и референции сделан в статье [Иорданская, Мельчук 2013], где обращено внимание на то, что *однажды* связано — не только по форме, но и семантически, — со словом *один* в значении СЛАБОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ. См. об *один* в этом «не счетном» значении в [Падучева 1985: 212—214]; там же и о других показателях слабой определенности — *кое-какой* (и вся серия на *кое-/кой-*: *кое-кто*, *кой-что* и т. д.) и *некоторый*; слабая определенность — это определенность для говорящего и неопределенность для слушающего.

Слабая определенность — жемчужина русской картины мира. В русском языке сфера неопределенности разработана как нигде. В английском языке с трудом различается *specific indefiniteness* и *non-specific indefiniteness*, и только на семантическом уровне. Между тем в русском языке это формальное различие — есть серия местоимений НЕИЗВЕСТНОСТИ (*specific indefinite pronouns*), на *-то*, и серия НЕРЕФЕРЕНТНЫХ (*non-specific indefinite pronouns*), на *-нибудь*. А кроме того, есть третья серия, на *кое-/кой-*, СЛАБО-ОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ; к местоимениям на *кое-/кой-* примыкают другие показатели слабой определенности — слова *некоторый* и *один*, а также местоимения на *не-* — *некий*, *некто*, *нечто* — и оборот *тот или иной*. (Для полноты картины следует упомянуть еще несколько неопределенных местоимений: местоимения ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ПОЛЯРНОСТИ, на *-либо* и *... бы то ни было*, и местоимения СВОБОДНОГО ВЫБОРА (см. [Haspelmath 1997]) — *любой* и серия на *... угодно*.)

Наблюдение, сделанное в [Иорданская, Мельчук 2013], превращает *однажды* из изолята в слово, для которого заготовлено место в системе.

Однажды, как и *один*, употребляется не только как референциальный показатель, но и в значении счета ‘(имело место) один раз’ (*Я видел его лишь однажды*); это значение остается здесь вне рассмотрения.

* Работа выполнена при поддержке РФФ (проект 14-18-03270), грант предоставлен через Московский педагогический государственный университет.

1. *Однажды*: попытки истолкования

В [Иорданская, Мельчук 2013] фразы (1а) и (1б) обе признаются недопустимыми. Между тем, можно думать, фраза (1б) признана недопустимой справедливо, а фраза (1а) — нет. (Мнения по поводу фразы (1а) расходятся, однако достаточное число опрошенных считает фразу нормальной.)

- (1) а. После этого Изабелла Купер¹ поселилась в одном из городов Среднего Запада, а затем перебралась в Лос-Анджелес, где *однажды* покончила жизнь самоубийством;
 б. **Однажды* Изабелла Купер покончила жизнь самоубийством.

Многое прояснится, если рассмотреть употребление *однажды* в контексте соответствующих ему коммуникативных ситуаций, см. о КАНОНИЧЕСКОЙ коммуникативной ситуации [Lyons 1977: 637], и о неканонических ситуациях в [Падучева 1996].

Слово *один* — безусловный первичный, т. е. жесткий, эгоцентрик [Падучева 1996: 298]: оно предполагает каноническую коммуникативную ситуацию, поскольку его смысл требует обращения не только к говорящему, но и к адресату. Так, в смысл сочетания *один человек* входят компоненты (i) ‘я знаю этого человека’ и (ii) ‘я исхожу из того, что ты его не знаешь’. Если предположение (ii) не оправдывается, говорящий терпит коммуникативную неудачу; так, в примере (2) (ср. [Падучева 1985: 155]) говорящий не ожидал, что слушатель тоже знает этого человека и имеет представление о том, что с ним было:

- (2) — И тут *один человек* выбежал из толпы ...
 — Он не выбежал, его выпихнули.

Как все эгоцентрики, смысл которых отсылает не только к говорящему, но и к адресату, *один* неподчинимо. В частности, нецитируемо; если Зина сказала мне (3а), я понимаю, что Зина знает об этой женщине больше, чем мне говорит. При этом я не могу передать слова Зины фразой (3б):

- (3) а. Вася женился на *одной* китайке;
 б. Зина сказала, что Вася женился на *одной* китайке.

Правда, в примере (4) обнаруживается нечто подобное гипотаксической проекции [Падучева 2011] — *один* находится в контексте придаточного изъяснительного; но это нарратив 1-го лица, где говорящий в каком-то виде присутствует:

- (4) Сверх того, дошло до моего сведения, что *один проезжий москвич, добрейший, впрочем, юноша*, мимоходом отозвался обо мне на вечере у губернатора как о человеке выдохшемся и пустом (И. С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда (1849)).

¹ Речь идет о возлюбленной генерала МакАртура.

Употребления *один*, в которых семантика слабой определенности утрачивается, в принципе, допустимы, но скорее в небрежной речи, см. ниже пример (19).

Что же касается *однажды*, то оно довольно свободно употребляется в выветренном значении: во многих контекстах слабая определенность переходит в обычную неопределенность, т. е. несущественность временной локализации события для говорящего, или даже в нереперентность (non-specific indefiniteness) временного показателя.

Основное употребление у *однажды*, как и у *один*, — интродуктивное (см. [Арутюнова 1976: 221 слл.]). При этом именная группа с детерминативом *один* вводит в рассмотрение (а именно, в общее поле зрения говорящего и слушающего) объект, а предложение с *однажды* — ситуацию, о которой дальше будет идти речь. Высказывание называется интродуктивным, если оно предполагает продолжение.

Слово *один* допускает и не интродуктивное употребление, см. пример (3а). А интродуктивность *однажды* зависит от его места в коммуникативной структуре; так, тематическое *однажды* интродуктивно по преимуществу, см. (1б).

Существенное отличие *однажды* от *один* — то, что *один* широко используется в диалоге, а слово *однажды* дискурсивное: оно употребляется почти исключительно в нарративе (хотя бы и от 1-го лица), где говорящий — это не полновесный говорящий, а повествователь. Интродуктивность — это то, в чем проявляется слабая определенность в нарративе.

В [Иорданская, Мельчук 2013] дается следующее толкование *однажды*: *однажды* (Q) означает, что время ситуации Q и сама Q «неидентифицируема для адресата». Далее неидентифицируемость ситуации Q сводится к трем свойствам ее референта:

- 1) НЕОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ (= факультативность; например, самоубийство — в отличие от смерти),
- 2) ПОВТОРИМОСТЬ (например, инфаркт — в отличие от самоубийства),
- 3) ОРДИНАРНОСТЬ (например, посещение кинотеатра — в отличие от инфаркта).

Утверждается, что если ситуация Q не обладает хотя бы одним из этих свойств, употребить *однажды* в соответствующей фразе нельзя.

Рассмотрим каждое из этих свойств. Начнем со свойства 2) — повторимость. Утверждается, что ситуация, вводимая словом *однажды*, должна быть повторимой, так что неповторимость — это источник неадекватности предложения (1б). Например, предложение *Однажды Изабелла Купер заболела* нормально, поскольку Изабелла Купер могла болеть много раз.

Однако ситуация во фразе с *однажды* в примере (5) неповторима, а между тем, фраза нормальна — она естественно вписывается в контекст²:

² За этот пример, найденный в Национальном корпусе русского языка, я благодарна Светлане Олеговне Савчук.

- (5) *Однажды* Никита Михалков дней так за двадцать снял тихий фильм «Пять вечеров». Станислав Любшин, Людмила Гурченко, оттенки серого, неброскость одежд, мягкость интонаций. (...) Первый канал на этой неделе лихо разделался с ароматом того старого, «нерейтингового» произведения (Комсомольская правда, 2004.09.15).

Здесь обнаруживается отличие *однажды* от *один*: *один* возможно только в контексте ОБЩЕГО имени объекта (например: *мой одноклассник, молодой человек, китаянка*), а *однажды* возможно не только в контексте ситуации, обозначенной общим именем (т. е. ситуации, которая может повторяться, происходить много раз, как *Изабелла Купер заболела*), но и в контексте ситуации с ЕДИНИЧНЫМ именем, неповторимой, как *Изабелла Купер умерла*.

Надо сказать, что пример (5) не полностью объяснен: его безупречность достигается модификатором *дней так за двадцать* и эпитетом *тихий*. Приемлемость фразы (5') *Однажды Никита Михалков снял фильм «Пять вечеров»*, где *однажды* по-прежнему употребляется в контексте неповторимой ситуации, не столь очевидна. Однако и для (5') можно подобрать контекст, где она будет уместной:

- (5'') *Однажды* Никита Михалков снял фильм «Пять вечеров», а сейчас снимает всякую ерунду.

Конечно, *однажды* чаще употребляется в контексте повторимой ситуации, однако пример (5) показывает, что неповторимость ситуации в сфере действия *однажды* не исключена. Так что сама по себе неповторимость не может быть источником неадекватности предложения (1б).

Беда предложения (1б) в другом: слово *однажды* занимает в нем тематическую позицию, и потому имеет интродуктивное употребление. Фраза с *однажды* должна вводить в рассмотрение ситуацию, ее время, место, участников или какие-то обстоятельства. А тут фраза гласит, что участник, введенный в рассмотрение, перестал существовать. Сцена остается пустой.

Еще один пример, который приводится в [Иорданская, Мельчук 2013] (под звездочкой) в подтверждение неповторимости события как препятствия для *однажды*.

- (6) *Однажды* он погиб в горах, сорвавшись со скалы.

По свидетельству Б. А. Успенского, *однажды* в контексте предикатов *погиб* или *умер* все-таки возможно, если дальше следует рассказ о смертной судьбе героя, т. е. о его жизни в потустороннем мире. Однако есть и другие возможности совместить *однажды* с глаголом *умереть* — развитие текста может идти по самым разным линиям. Ср. пример (7) (в предположении, что об Изабелле Купер шла речь перед этим)³:

³ Впрочем, приемлемость фразы *Однажды Изабелла Купер умерла* может быть поставлена под сомнение.

- (7) Однажды Изабелла Купер умерла. Родственники покойной тут же принялись оспаривать завещание.

Вообще, глаголы, которые вводят в рассмотрение, всегда лучше в контексте *однажды*, чем глаголы с противоположным значением. Так, *однажды* в (8а) гораздо естественнее, чем в (8б) — если ни один из городов не фигурировал ранее в контексте дискурса и *однажды* должно ввести его в рассмотрение:

- (8) а. Однажды Изабелла Купер переехала в Лос-Анджелес.
б. Однажды Изабелла Купер уехала из Кливленда.

Надо сказать, что *однажды* в примере (5) так уместно, в частности, потому, что момент создания фильма, введенный в рассмотрение повествователем с помощью *однажды*, взаимодействует с возникающим далее другим временным моментом, *на этой неделе*.

Свойство 3) — ординарность из [Иорданская, Мельчук 2013] (посещение кинотеатра — в отличие от инфаркта) тоже нельзя признать релевантным. Так, пример (9) (из Национального корпуса русского языка) ничуть не аномален, хотя инфаркт — событие весьма неординарное:

- (9) И вот *однажды* у Олиной мамы случился инфаркт. После обследования врачи сказали, что необходима срочная дорогостоящая операция («Известия», 2001.09.19).

Свойство 1) — необязательность (которым обладает самоубийство — в отличие от смерти), демонстрируется на примерах (10) и (11). Утверждается, что *однажды* не сочетается с обозначением обязательной (иначе — неизбежной, предвидимой) ситуации:

- (10) *Однажды у Ивана стала расти борода.
(11) *Однажды наступила зима.

Что касается бороды, то пример такой странный, что не заслуживает разбора; многое зависит от обстоятельств — у Маленького Мука борода стала расти неожиданно, и тут возможно *однажды*.

Вот для фразы *Однажды наступила зима*, действительно, трудно найти уместный контекст. Едва ли таким контекстом может служить (12), поскольку здесь в роли ситуации Q выступает именно совмещение двух обстоятельств — наступления зимы и отсутствия обуви:

- (12) Жили мы бедно. Однажды наступила зима, а у меня нечего на ноги надеть.

Можно попытаться спасти свойство 1), сказав: *однажды* невозможно в контексте события, которое наступает регулярно. Однако контекст может и это ограничение снять. Яндекс дает 115 примеров на сочетание *Однажды наступила зима*, например:

Купил он её (машину) летом, и кроме маленького багажника ничего особо не напрягало. Но вот *однажды* наступила зима...

Так что существенно только свойство 2) — повторимость, которое, как мы видели на примере (5), имеет скорее характер тенденции, чем жесткого правила.

Вернемся к примеру (6). Можно подобрать контекст, в котором такое неповторимое событие, как гибель человека в горах, будет нормальной сферой действия для *однажды*:

- (13) Он переехал в Южную Америку, где *однажды* погиб в горах, сорвавшись со скалы.

Дело в том, что предложение (6) аномально как автономное высказывание: тематическое *однажды* настраивает на восприятие предложения как интродуктивного, т. е. требующего продолжения. Между тем в некоторых контекстах, в частности, в гипотаксическом (не каноническом), смысл *однажды* выветривается: в (13) пропадает компонент 'повествователь имеет в виду некоторое конкретное событие, про которое он знает больше того, что вытекает из его дескрипции'. В этом случае рассказ заканчивается, повествователь вправе больше ничего не сообщать адресату. Слабая определенность низводится до простой неопределенности: пропадает напряжение, состоящее в том, что состояние знаний говорящего отлично от состояния знаний адресата. Остается:

однажды (Q) =
'ситуация Q имела место в некий, неважно какой момент'.

Другие примеры употребления *однажды* в нетематической позиции, где оно имеет значение простой неопределенности 'в какой-то момент':

- (14) Есть прогнозы, которые реализовались именно потому, что *однажды* были сделаны (В. Н. Комаров. Тайны пространства и времени (1995—2000));
- (15) И добровольный работник думать не думал, что *однажды* всё куда-то денется (А. Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000);
- (16) Это значит, что ей там, в кино, просто стало неуютно, как *однажды* стало неуютно в Америке (В. Шенгелия. Ей легко (2002) // «Домовой», 2002.12.04).

Теперь понятно, почему *однажды* допустимо в предложении (1а) и недопустимо в (1б): попав в гипотаксический контекст, *однажды* перестает быть интродуктивным. Оно превращается из слабоопределенного показателя в показатель обычной неопределенности: (1а) отличается от (1б) тем, что *однажды* не занимает в (1а) тематической позиции и потому не является интродуктивным, т. е. фраза (1а), в отличие от (1б), не требует продолжения.

В [Иорданская, Мельчук 2013] продемонстрированы свойства *однажды*, вытекающие из его семантики слабой определенности. Слабая определенность исключает употребление *однажды* в вопросе и в побуждении (для *один* это описано в [Падучева 1985: 214]). В самом деле, слабоопределенное *однажды* локализует во времени событие, которое для говорящего является конкретно-референтным: говорящий имеет в виду событие, реально имевшее место. А вопрос и побуждение должны иметь дело с виртуальным событием. Примеры неправильных употреблений (из [Иорданская, Мельчук 2013], с сохранением нумерации) — вместо *однажды* тут надо было сказать *когда-нибудь*:

- (31) а. *А ты отдыхал *однажды* в Египте?
б. *Отдохни *однажды* в Египте!

Впрочем, в будущем времени, как отмечено в [Иорданская, Мельчук 2013], *однажды* может быть употреблено в значении ‘когда-нибудь’ — оно обозначает в этом случае нереферентный момент времени (номер примера сохранен):

- (23) *Однажды* президентом этой организации станет азиат.

Другой пример из [Иорданская, Мельчук 2013] (номер сохранен) показывает, что нереферентное *однажды* допустимо и при глаголе прошедшего времени — в сфере действия квантора общности, где *однажды* имеет дистрибутивное значение: момент произнесения для каждого слова свой. При этом *однажды* можно заменить не на *когда-нибудь*, а на *когда-то*:

- (29) Все слова на свете были *однажды* сказаны.

Об употреблении *-то* в значении *-нибудь* см. [Падучева 1985: 219—220]. Но про допустимость слабоопределенных местоимений в дистрибутивном контексте до сих пор не было известно.

Итак, поскольку *однажды* — дискурсивное слово, семантика слабой определенности (т. е. эпистемического неравенства говорящего и адресата) проявляется у него в интродуктивности, иными словами, в обязательности продолжения. Но интродуктивность свойственна только тематическому *однажды*. В гипотаксическом контексте, а также в будущем времени и в сфере действия некоторых операторов, *однажды* становится просто временным показателем со значением неопределенности или нереферентности.

2. О первой фразе «Пиковой дамы»

Как заметил еще В. В. Виноградов, с первой фразой «Пиковой дамы» что-то не в порядке:

- (17) Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова.

Чтобы сделать эту фразу нормальным неопределенно-личным предложением (НЛП), достаточно было бы изменить порядок слов — передвинув глагол в рематическую позицию [Падучева 1995]:

(18) Однажды у конногвардейца Нарумова *играли* в карты.

Очевидно, Пушкин имел в виду что-то другое. В. В. Виноградов видит в этой фразе «присутствие автора». Конечно, все встало бы на свои места, если в это предложение вставить *мы*: это был бы повествователь, который как бы причисляет себя к тому же кругу, что играющие: *Однажды мы играли в карты у конногвардейца Нарумова*.

Но в грамматиках эта фраза приводится как пример неопределенно-личного предложения (НЛП). А подразумеваемым субъектом НЛП не может быть *мы*, см. [Падучева 2012].

Можно думать, это подразумеваемое *мы* — остаток от первоначального замысла «Пиковой дамы», которая, согласно комментариям Б. В. Томашевского, задумывалась как повествование от 1 лица (из черновых набросков к ранней редакции повести: *Года четыре тому назад собралось нас в Петербурге несколько молодых людей, связанных между собою обстоятельствами*), см. [Падучева 1995].

Другой предлагавшийся вариант разгадки. Первая фраза на самом деле не является первой, а связана с эпитафией (за эту интерпретацию — благодарность Л. Н. Иорданской): *А в ненастные дни Собирались они Часто. <...>* Но такого рода неканонические коммуникативные ситуации пока еще не вошли в обиход теории нарратива. В любом случае, фразу из «Пиковой дамы», которая часто фигурирует как пример неопределенно-личного предложения, следовало бы изъять из учебников.

Что же касается наречия *однажды*, то эта фраза выявляет совершенно новое его свойство: тематическое (а значит интродуктивное) *однажды* накладывает определенное ограничение на коммуникативную структуру его сферы действия. Оно требует, чтобы предложение в его сфере действия членилось на тему и рему. Так, предложение (18), где *у конногвардейца Нарумова* — тема, никаких претензий не вызывает. Но это новая проблема, которая требует исследования.

3. Заключение про *один* и *однажды*

Итак, в [Иорданская, Мельчук 2013] было обнаружено, что *однажды* — показатель слабой определенности, так что его семантика должна раскрываться в сравнении со словом *один*. Об общности *один* и *однажды* шла речь в разделе 1. Какая же между ними разница?

Слово *один* — первичный, т. е. жесткий эгоцентрик. Оно раскрывает свои возможности в контексте диалога, где слабая определенность означает эпистемическое неравенство говорящего и адресата. В гипотаксическом

контексте *один* обычно не сохраняет своей исходной семантики, а употребляется в выветренном значении, т. е. в качестве показателя просто неопределенности ‘какой-то, неважно какой’ употребляется с трудом. Ср. пример (19), где употребление именной группы *одна дама-немка* не является интродуктивным:

- (19) Негр присел на край стула и взволнованно поведал о том, что *одна дама-немка* из Отдела эмиграции пригласила его пойти на дискотеку (М. Гиголашвили. Экобаба и дикарь (1998—2007) // «Зарубежные записки», 2009).

Слово *однажды* принадлежит нарративному режиму, где есть аналог для говорящего (повествователь), но нет аналога для синхронного адресата. Оно свободно употребляется в контексте гипотаксиса в значении просто неопределенности, а именно, нерелевантности (‘в какой-то, неважно какой момент’), или нереферентности (‘в какой-нибудь момент’).

Разница между *один* и *однажды* та, что *один* употребляется только в контексте общего имени, никогда не единичного, а *однажды* возможно, в том числе, и в контексте неповторимого (и в этом смысле единичного) события*.

Л и т е р а т у р а

Арутюнова 1976 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Предложение и его смысл. М., 1976.

Иорданская, Мельчук 2013 — Л. Н. И о р д а н с к а я, И. А. М е л ь ч у к. Наречие *однажды*: неопределенный временной спецификатор // Вопросы языкознания. 2013. № 1. С. 22—37.

Падучева 1985 — Е. В. П а д у ч е в а. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

Падучева 1995 — Е. В. П а д у ч е в а. В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия ОЛЯ. Серия лит-ры и языка. Т. 54. № 3. 1995. С. 39—48. <http://danefae.org/lib/vvv/paducheva.htm>.

Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Падучева 2011 — Е. В. П а д у ч е в а. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3—18. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/egocentrals.pdf>.

Падучева 2012 — Е. В. П а д у ч е в а. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 27—41. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/Neopr_Lichn_VYa.pdf.

Haspelmith 1997 — M. H a s p e l m a t h. Indefinite Pronouns. Oxford, 1997.

Lyons 1977 — J. L y o n s. Semantics. V. 1—2. Cambridge, 1977.

* Автор выражает благодарность И. А. Мельчуку и И. М. Богуславскому за многочисленные и глубоко продуманные замечания, а также благодарит всех тех, кто не считал аномальным предложение (1а).

Резюме

Статья посвящена слову *однажды*, которое рассматривается как показатель слабой определенности (т. е. эпистемического неравенства говорящего и адресата). Рассматриваются сходства и различия между *однажды* и *один*. Поскольку *однажды* — дискурсивное слово, семантика слабой определенности проявляется у него в интродуктивности, т. е. в обязательности продолжения. Но интродуктивность свойственна только тематическому *однажды*. В гипотаксическом контексте, а также в будущем времени и в сфере действия некоторых операторов, *однажды* становится просто временным показателем со значением неопределенности или нереферентности.

Ключевые слова: слабая определенность, интродуктивность, неопределенность дискурса.

Статья получена 08.03.2016

ELENA V. PADUCHEVA

RUSSIAN *ODNAŽDY* AS A MARKER OF WEAK DEFINITENESS

The paper deals with the Russian word *odnaždy*, treated as a marker of weak definiteness (i.e., epistemic inequality of the speaker and the addressee). Similarities and differences between *odnaždy* and *odin* are considered. As *odnaždy* is a discursive word, its semantics of weak definiteness is reflected in what might be termed introductivity, i.e., the necessity of continuing. But introductivity is characteristic only of thematic *odnaždy*. In a hypotactic context, as well as in the future tense, and in the scope of some operators, *odnaždy* becomes an ordinary tense marker expressing indefiniteness or non-referentiality.

Key words: weak definiteness, introductivity, indefiniteness, discourse.

Received on 08.03.2016